

КАТЭР ВЭЙ

Вор

Две тысячи лет от
второго сотворения мира

ИДДК

Катэр Вэй

**Две тысячи лет от второго
сотворения мира. Книга 3. Ворн**
Серия «Две тысячи лет от второго
сотворения мира», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73820263

Аннотация

**ВНИМАНИЕ! НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И
ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИЮ О
НАРКОТИЧЕСКИХ, ПСИХОТРОПНЫХ,
ОДУРМАНИВАЮЩИХ ВЕЩЕСТВАХ ИЛИ ИХ АНАЛОГАХ.**

"Ворн" – фантастический роман Катэр Вэй, третья книга цикла "Две тысячи лет от второго сотворения мира", жанр альтернативная история, героическое фэнтези, постапокалипсис.

Злой рок снова бросает главного героя в водоворот приключений. К примеру, в академию с суровым уставом, где лишь немногие курсанты проходят обучение до конца. К тому же, влиятельные недоброжелатели всячески препятствуют его и

без того сложной жизни, подстраивая козни. Назревает заговор, направленный против Императора. Какое отношение ко всему этому имеет главный герой? Казалось бы, никакого, однако его втягивает в гущу интриг, и теперь от его решений и действий зависит будущее всей Империи.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ И ПРОПАГАНДЫ. КНИГА ЗАПРЕЩЕНА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ ГРАЖДАН РФ МЛАДШЕ 18 ЛЕТ.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	19
Глава 2	30
Глава 3	46
Глава 4	58
Глава 5	71
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Катэр Вэй

Две тысячи лет от второго сотворения мира. Книга 3. Ворн

© Вэй Катэр

© ИДДК

**Содержание цикла "Две тысячи
лет от второго сотворения мира":**

Книга 1. По дорогам Империи

Книга 2. Меня зовут Ворн

Книга 3. Ворн

Книга 4. Ворн. Искатель

Пролог

Легкий шелест одежд и почти неуловимые звуки мягких шагов – Кирилл двигался словно тень. Он принадлежал к ордену боевых монахов. Его – как, впрочем, и практически всех в этом заведении – когда-то принесли в жертву богам и отдали кардиналам, не имея ни малейшего понятия, что те делают с детьми. Хотя народ судачил, что кардиналы их едят. Ну если и не едят, то уж точно проводят жуткие обряды с использованием крови невинных. Были времена, когда за стены Закрытого города ежедневно попадало по десятку, а то и больше младенцев, но с каждым годом «прóклятых» рождалось все меньше и меньше. Человечеству почти удалось очиститься от скверны. Но оно не понимало, чего на самом деле лишается, уничтожая свое потомство, хоть мало-мальски выбивающееся из общепринятых норм.

Кирилла, буквально в мешке, принес в храм отец, когда заметил, что ребенок необычайно гибок и слишком быстро двигается. Причем перемещался малец исключительно на четвереньках, как собака, и бегал быстрее любой собаки. В деревне тогда сказали: «Проклят! Проклят! Отдай богам прóклятого, или мы сами...»

Отдал в храм. Оттуда священнослужитель доставил ребенка в Запретный город. К восьми годам мальчик не только научился ходить «по-человечески», но и многому другому.

Проверив способности ребенка, его определили в корпус боевой подготовки и усиленно развивали эти таланты. Теперь же матерый воин, неуловимый шпион и убийца был крайне признателен своему отцу за то, что тот не дал перепуганным односельчанам закидать его, маленького и глупого, камнями, а сделал то, что сделал.

* * *

Закрытый город, Запретный город, Город богов – как только люди не называли это место и как только не старались прознать о том, что тут на самом деле происходит. А происходило за этими стенами многое...

– Войди, – раздался хриловатый, словно простуженный, голос по ту сторону дверей, стоило Кириллу приблизиться и поднять руку с целью постучаться. – Ну, рассказывай. Чего такого важного случилось, что ты личного разговора попросил? – нахмурился хозяин покоев, не глядя на вошедшего.

– Приветствую тебя, отец. Долгих лет и здоровья тебе желаю, – почтительно склонил голову Кирилл.

– Да, здоровья мне бы не помешало, – болезненно скривился сухой высокий старик. – Этот ревматизм меня доведет, ей-богу, доведет... – Белый как лунь, совершенно седой альбинос с красными от рождения глазами устало уселся в кресло, костлявой рукой откинув в стороны полы длинного темно-синего балахона.

– Присаживайся, Кирилл, в ногах правды нету, – и, окинув своего послушника цепким взглядом, добавил: – С дороги, значит...

Кирилл коротко кивнул.

– Новости важные, отец. Спешил скорее доложить.

– Ну так чайку налей и докладывай, – указал старец взглядом на тумбу с чайником и чашками.

Кирилл послушно выполнил то, что было велено. С легким поклоном поставил изящную чашу перед стариком, наполнил ее янтарным напитком, после чего налил и себе. Сел на указанное место.

– Известия с запада; нашли там оружие древних, и оно вполне функционально на вид. И еще оборудование неизвестное там. Наш человек не смог понять его назначения, не тот уровень знаний у него. Он говорит, что и местные ученые не способны разобраться в назначении и способе применения, но они ищут ответы. Рано или поздно они найдут их – это лишь вопрос времени. Туда бы нашего техника... – Кирилл задумчиво вздохнул, – из высших которые. Ты же знаешь, отец, Шагир давно чешет свои поганые руки, поглядывая на твое кресло. А такая удача с артефактами... Нельзя терять время, отец, – Кирилл взволнованно вытянулся, подался чуть вперед, – надо действовать на опережение. Дай разрешение, и наши люди там уничтожат найденную базу вместе со всем содержимым.

– Горячий ты какой. Ломать – не строить... – Старик, гля-

дя в невидимую точку перед собой, сосредоточенно накручивал на палец седую прядь длинной, почти до пупа, бороды. – Высшего техника надо бы, да... поглядеть бы... Да так поглядеть надо, чтобы там и не поняли ничего. Сумеешь, Кирилл? – И он пронзительно посмотрел на мужчину.

– Я-то сумею и к чертовой жене под юбку, ты же знаешь, но высший технарь... Кого я туда потащу? Отец, все высшие – твои ровесники. Ты уж прости, но любой из них помрет, не преодолев и полпути до острова. Мне нужен молодой, сильный, ловкий, обученный хоть немного воинскому ремеслу и неприметный. А главное, не известный как кардинал тамошним братьям. И где мне взять такого? Да еще и технаря с рангом высшего?

* * *

Из рассеченной брови кровь бежала тонкой струйкой, назойливо заливая левый глаз. Само ранение не смертельное, но из-за снижения обзора может стать фатальным. Ворн тряхнул головой. Крупные брызги пота и крови полетели во все стороны, обдав и перекошенное яростью лицо противника. Шаг, еще шаг, поворот и удар – все, отплясался Мити. Подсечка – и смертельный в печень нанесен.

– Мити, тебя снова убили! – начал свою гневную тираду Гайт – десятник их корпуса. – Ты, неповоротливая скотина! Из-за тебя мы...

– Ну, завелся, – скривился, словно от зубной боли, Ворн, протягивая руку «убитому». – Твоя проблема – гнев. Много эмоций, Мити. Пока твой ум холоден – ты воин, но стоит поддаться чувствам – и ты труп, – продолжал он поучать товарища, рассказывая то, что вбивали когда-то и ему в голову бывшие наставники из, казалось, теперь такой уже далекой прошлой жизни. На гневные, оскорбительные вопли Гайта ребята не обращали внимания. Ходил слухок, что у него странная дружба с одним из учителей. Не воинскими знаниями пробивал он себе путь по ступеням карьеры, а иными делами, кои были покрыты великой тайной. Но империи нужны разные люди, и, видимо, такие тоже. Поэтому, несмотря на свое внеочередное повышение, Гайт не пользовался особым уважением у сокурсников.

* * *

– Ты будешь наказан, Мити! – взвизгнул в спину уходящим ребятам Гайт. – Я доложу учителю...

– О чем доложишь? – змеей зашипел Ворн прямо в лицо Гайта, сжимая ему рукой горло. Перепуганный Гайт лишь бессильно моргал, тщетно пытаясь разжать стальную хватку этого демона.

Да, именно так он и думал про Ворна – демон или полудемон, но точно не человек. Людям, а тем более подросткам, еще не обученным тайным знаниям, не дано двигаться с та-

кой скоростью, ловкостью и обладать стальным телом и духом. Ох, сколько раз его пытались убить, еще тогда, когда он только попал в их отряд, на место убитого им же щенка. И все обломали об него свои зубы. А сколько раз он был бит старшими и наказан за драки и нарушения – не счесть. Однажды этот демон в наказание за побег провисел на кресте после порки кнутом аж четверо суток, летом, в самое пекло, и остался жив. Не иначе его защищают высшие силы и, судя по его звериному, жуткому взгляду – точно не Божии. Даже глотов взгляд не столь леденил кровь в жилах, как взгляд этого пацана. В отъезжающем сознании Гайта вспышкой всплыло воспоминание.

Сдача очередного зачета – курсанты, вооруженные лишь коротким ножом, по одному входили в клеть с глотами. Две голодные, обезумевшие твари кидались на вошедшего, желая его сожрать. Выжил – сдал зачет. Ворну достались два здоровенных самца с телами, сплошь покрытыми шрамами и различными узорами. Таких глотов щенкам первого курса обычно не давали. И нож ему подсунули плохой – с надпиллом. Гайт видел, кто это сделал, но смолчал. Не хотелось ему лишних проблем в корпусе. Тогда все думали, что этот Ворн долго тут не протянет.

Взял он подпиленный нож, поглядел на него, бросил себе под ноги и с голыми руками вошел в клеть. Зачем-то коротко поклонился, словно приветствуя этих полуживотных тварей. Дверь за ним заперли.

– Безумец. Он безумен. Видимо, кто-то из высших решил избавиться от выскочки. Туда ему и дорога, – плыл шепот по толпе. Все замерли, ожидая кровавого пиршества. Глоты медленно кружили вокруг мальчишки, обмениваясь изучающими взглядами, но нападать не спешили. Учителю надоело нудное ожидание, и он приказал ткнуть одного из глотов копьем – подбодрить, так сказать. В следующий миг этот курсант дико заорал, орошая землю брызгами крови из оторванной конечности. Глот проворно вырвал у него копье вместе с рукой и тут же встал в боевую стойку, нацелив острие на учителя. Грозно, будто вызывая на поединок, зарычал. Второй же, явно обращаясь к Ворну, раскорячившись в странной позе, стукнул себя кулаком в грудь и воинственно гаркнул:

– Гард!!! Гард!!!

На изуродованной шрамами груди глота Гайт не заметил красного осьминога, но знак Великого Гарда не укрылся от глаз Ворна.

Ворн стоял спокойно, взирая на происходящее с долей удивления, но без страха. Учитель поднялся со своего места, медленно шагнул вперед, остановился, сверля глота тяжелым взглядом. Глот опустил острие копья к земле, а затем небрежно швырнул его под ноги мальчишке.

– Бери, – прорычал он почти как зверь. – Равный бой, – и, раскинув руки в стороны, пошел в нападение. Эти пляски со смертью происходили минут десять, но Ворн не собирался

никого убивать, хотя и мог. Глоты почему-то сами подставлялись. В итоге учитель велел прекратить этот балаган. Раненого добили и швырнули в клеть, а Ворну приказали выйти и проследовать к директору. Что было дальше, Гайт не знает. Всех курсантов отправили на полигон с препятствиями и гоняли там до ночи. Вернувшись в спальный корпус, израненные и обессиленные, они обнаружили там мирно спящего Ворна. В ту ночь его снова попытались убить. Не вышло. Несколько человек попали в госпиталь, а Ворна опять наказали.

– Эта тренировка проходила в личное время. О чем ты доложишь, Гайт? – шипел Ворн, чуть склонив голову набок и внимательно вглядываясь в покрасневшее лицо с надувшимися венками. Белки глаз покрылись красной сеткой капилляров.

– Ворн, он обмочился. Хватит.

Стальная хватка исчезла, и тело Гайта сломанной куклой рухнуло в пыль.

В глазах скакали белые пятна, горло драло огнем, в ушах стучал пульс. Услышав удаляющиеся шаги, Гайт почувствовал облегчение. И дернул же его нечистый припереться на звук боя, остаться поглядеть, да потом еще и ляпнуть то, что ляпнул. Показать хотел свое главенство, важность, значимость. Показал... Знает ведь, что этот сопляк Мити исхитрился подбиться под опеку Ворна. И как только ему это удалось? Гайт сильно завидовал Мити. Будь у него в дружках

Ворн, все бы слушались, боялись и подчинялись, а так... Не труп до сих пор, и на том спасибо. Учитель Урхи обещал ему свою защиту и протекцию и до сих пор данное слово держит, но против главы школы щенков он не пойдет. Поэтому жаловаться ему на любимчика Тарга – лишь обратить гнев на себя. Гайт судорожно выдохнул и, поднявшись на непослушные ноги, пошатываясь, поплелся к спальному корпусу, моля всех богов о том, чтобы по пути никого не встретить.

* * *

Тарг сидел в глубоком удобном кресле у себя в кабинете на третьем этаже административного корпуса и через распахнутое настежь окно наблюдал за мальчишками, устроившими тренировочный бой на плацу. Вместо положенного отдыха эти двое решили отточить навык работы с коротким мечом. А третий, деловито скрестив руки, наблюдал за ними с важно задранной подбородком. Тарг усмехнулся. Глупый мальчишка. Урхи нашел себе новую игрушку и забавляется с ним, давая иллюзию полной защищенности. Защита, конечно, была, но... Урхи хороший учитель, и лишь поэтому Тарг закрывал глаза на маленькую слабость подчиненного. Тем более что от его игрушек был толк, и очень неплохой. Они, здраво оценивая свои шансы на выживание, готовы были на все, дабы сохранить покровительство учителя, и таскали порой очень важную информацию своему хозяину,

добывая ее поистине немислимыми путями. Повзрослевшие щенки Урхи, те, кто все же умудрился выжить, тоже не забывали руку, хранящую их, и служили ушами и глазами во всех, даже в самых тайных закоулках империи.

Так Тарг узнал зачем, а главное, для чего Светлейший собирает близнецов. И особую страсть он питает к детям от трех до пятнадцати лет: курчавым, беленьким и голубоглазым, а еще рыженьким и зеленоглазым. По империи ходили различные слухи на этот счет. И догадки строили самые отвратительные. Но на деле все оказалось куда как прозаичнее. Великий император, светлейший из светлейших, мнил себя не кем иным, как самым настоящим богом, посланным Отцом своим на землю грешную управлять стадом человеческим. И окружил он себя ангельскими созданиями, которых, по его мнению, посылал ему в услужение его Отец. Правда, «подарки» те приходилось собирать его воинам по всей империи. Но порой родители и сами приносили близняшек к воротам дворца либо передавали их через храмы. Великолепный сад, речушки и фонтаны, прекрасные статуи и диковинные птицы жили в этом саду, а также рабыни-нянечки гуляли с подрастающими ангелами.

Их подопечные – голожопые малыши с прикрепленными к спине крылышками. Эти дети получали особенное воспитание и к четырем годам уже поступали на службу к светлейшему. Он любил прогуливаться по своему райскому саду, созерцать прекрасное, размышлять о великом. Никто, кроме

«ангелов», не имел права дотронуться до продуктов, вещей либо самого божественного тела великого императора – сына бога власти – Нарона. Они его кормили с рук, омывали, переодевали, пели песни, танцевали и всячески развлекали. По достижении определенного возраста ангелов разжаловывали в простые люди, снимали с них крылья и... Мальчикам приходилось сложнее – пристроить бывшего ангела на место, достойное его ранга, было не просто, и чаще всего их отправляли к Отцу, на небеса. А вот девочек... Своими девочками он награждал особенно отличившихся. И не в наложницы их брали, а только в жены. Такая невеста считалась наивысшим даром. Мало того что она принадлежала самому светлейшему, так еще и непорочна была. Светлейший не возлежал с ними; видимо, это претило каким-то его пониманиям или правилам божественности. Одно только огорчало счастливых мужей – в случае рождения близнецов по достижении годовалого возраста детей следовало передать в услужение светлейшему.

Размышляя о странностях и пристрастиях, Тарг упустил момент конфликта. Он лишь заметил, как молниеносно метнулся один из учеников к Гайту и, схватив его одной рукой за горло, приподнял над землей. Хорошая хватка у парня – смертельная. Руки натренированы отменно, и это не заслуга его учебного заведения. Этот парень уже таким попал к нему, и кто его учитель, Тарг так до сих пор и не выяснил. Хотя были у него подозрения, и с каждым странным проис-

шествием, коих происходило с парнем более чем достаточно, Тарг все больше и больше уверялся в своих гипотезах.

Парень выпустил несчастного Гайта и ушел вместе с товарищем в сторону тренировочного полигона. Видимо, он собирался от души погонять своего менее обученного товарища. Похвально. Тарг улыбнулся и, переведя взгляд на поднявшегося на ноги Гайта, заулыбался еще шире – обмочился паршивец. «М-да... Силен, стервец, силен...» – это он уже думал о Ворне, когда рука сама собой потянула на себя выдвижную полку в столе, извлекая из ее недр пузатую темную бутылку и простой деревянный стакан. Плеснув в него немного зеленоватого напитка, Тарг сначала повел носом, втягивая пары, потом пригубил и блаженно зажмурился. В голове слегка поплыло. Тело расслабилось настолько, что даже притихла постоянно грызущая кости боль. Вновь притихла... и это было истинное блаженство. Этот напиток – подарок одного довольно богатого господина. Тот интересовался новеньким мальчишкой, *так неожиданно победившим* на арене, предлагал немалые деньги на выкуп, но, получив твердый отказ, очень душевно просил приглядеть за парнем и в благодарность вручил пузатую бутылку с прилагающейся к нему бумагой по применению. И с тех пор каждый месяц Таргу передавали в дар две таких бутылки – волшебное зелье, снимающее боль и дающее не только желание жить, но и возможность вновь посещать заведение мадам Мари. Этот дар Таргу был куда дороже золота, и он порой задумывался о том, где и

как доставать его и впредь, после выпуска парня из учебного заведения. Не вечно же сопляку быть под его опекой, хотя... Уж очень не хотелось возвращаться к прежней жизни. Пригубив еще раз драгоценный напиток, Тарг откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Прохладный ветерок обдувал немолодое лицо. Полупрозрачная занавесь колыхалась, приятно задевая лежащую на подлокотнике руку. Потянуло запахом моря и рыбы. Задремавшего Тарга уносило в далекое прошлое.

Глава 1

Уверенной поступью стелились шаги по грязной, местами вымощенной камнем дороге. Вонь. Нищие калеки в лохмотьях тянули руки, покрытые язвами, стонали, просили хлеба. Крысы сновали прямо под ногами, нагло пытаясь куснуть за сапог. В очередной раз живой снаряд, пнутый от души, взвизгнув, полетел в сторону. Этой крысе повезло меньше, чем ее товаркам. Встреча с ободранной стеной оказалась для зверушки фатальной. Из темных подворотен доносились недобрые звуки: надсадный кашель, стоны тяжело больных людей, охи и пыхтение вперемешку с матерной бранью. Молодого, добротного одетого парня провожали алчные, завистливые взгляды, но обчистить этого прохожего уже больше ни у кого не возникало желания. Как говорится – дураков нема. Жизнь и здоровье дороже. Ходил он тут нечасто, но запомнился крепко, после первой же попытки обогреть заплутавшего барчука, как тогда о нем подумали. «Барчук» оказался с нравом отнюдь не мирным, добро свое отдавать не захотел, да к тому же упокоил всех нападавших. Спокойно очистил брюки от брызг грязи и не спеша пошел дальше. О нахальном отпрыске поведали смотрящему района в надежде, что тот найдет и накажет, но стоило описать внешность парня, как смотрящий сначала расхохотался во всю глотку, а потом, резко умолкнув, серьезно так сказал:

– Этот пацан – человек Лаки. Мне не нужны проблемы. Сами виноваты, раз не знаете, кого можно брать, а кого нет. Вон отсюда! Убирайтесь с глаз моих, твари! Или я вас всех передавлю!

И вот он, этот пацан, снова идет – уверенно так, спокойно, словно по центральному бульвару, а не по самой опасной улице города. Перепрыгнул через лужу, пролез меж досок покосившегося забора, зашел в темноту и исчез. Следившие за парнем глаза не видели, как он нырнул в дыру в стене двухэтажного, когда-то добротного дома. Оказавшись внутри, в полном мраке, он три раза шагнул вперед и один раз вправо. Протянул руку в сторону, нащупал шнур, дернул три раза с условленным интервалом и, сделав широкий шаг вперед, переступая через невидимое глазу препятствие, уже спокойно пошел дальше. Пробираясь через завалы, специально нагроможденные хозяевами этого дома, он спустился в погреб, а там, отодвинув увесистый стеллаж, проник в подземелье. Подобными ходами этот город был напичкан в избытке, и, если собрать воедино все карты потайных переходов, то можно... много чего можно. Паренек усмехнулся, обдумывая эту мысль. А у кого-то ведь возникало подобное желание, и, возможно, даже удалось собрать какую-то часть этих карт, а они существуют, он точно знает. Он даже в руках такую держал однажды.

Подземный коридор привел его в огромную залу с арками и колоннами, отделанными старым коричневым камнем.

Кому, а главное – для каких целей было выстроено такое помещение, оставалось загадкой. Но обитавших там людей эта загадка не особо и волновала.

– Здрав будь, Ворн! – из темноты раздался голос постового, и, отделившись от стены, на свет вышел высокий и плечистый, но довольно молодой человек.

– И тебе хранителя за спиной, Сабир. Он у себя? – спросил Ворн о своем товарище Алтае.

– Нет пока. Но скоро будет. Тебя проводить?

– Не надо. Сам дойду.

Ворн благодарно кивнул и, обойдя залу по краю, вошел в нужный ему темный проем.

Не зная пути, в этом лабиринте легко заплутать, что с ним однажды и случилось. Излишняя самоуверенность вновь наказала его, ткнув носом в ошибку. Но это было тогда, два года назад, теперь же он по этим коридорам может идти с закрытыми глазами и знает, какой поворот и какая дыра куда заведет. Воображение в голове рисовало карту – как в компьютерной игре: с подсветкой, пунктирами и точками, обозначающими людей. Он и шел, считай, с закрытыми глазами, в полной темноте. Свет ему был не нужен. Вот она – низкая, совершенно неприметная в полумраке дверь – это и есть его цель. Ворн легонько толкнул ее ногой и замер. Дверь открылась совсем бесшумно, мягко скользнув жирными петлями, и тут же вниз сверзилась деревянная миска с водой, с грохотом и брызгами треснувшись о дверь, а затем и о землю. В

дверном проеме болтался оборванный шнурок.

Тишина взорвалась веселым гоготом нескольких глоток сразу. Проигравшему был отвешен звонкий подзатыльник.

– Моя взяла! – смеялся победитель спора. – Гони четвертак!

Ворн перешагнул посудину и вошел внутрь.

– Придурки, – с иронией констатировал он, окинув насмешливым взглядом стайку подростков, находящихся в помещении. – Вот хрен я вам больше чего расскажу.

– Ну Во-о-о-рн... – тут же гундосо заканючил белобрысый пацан на вид лет десяти с веснушками и сильно перебитым носом.

– А Косой попался, прикинь, три раза! – улыбаясь во весь щербатый рот, обрадовал гостя другой оборванец.

– Два раза молния в одно место не бьет, – возмущенно заявил долговязый паренек лет четырнадцати. – Кто ж знал, что вы три раза подряд миску на одну дверь повесите! – Из-за травмы его левый глаз постоянно смотрел не туда, куда надо. Оттого и прозвище себе заработал – Косой.

– А мы не молния! – басовито заржал коренастый, чернявый крепыш по прозвищу Серый.

Они сидели кто где, весело перекидываясь дружеской бранью и шутками, припоминая, у кого какие проблемы, подтрунивая и смеясь. За последние два года это было единственное место и единственная компания, где Ворн чувствовал себя почти спокойно и по-человечески открыто – без ма-

сок.

Небольшая комнатка была обставлена довольно скудно – у правой от входа стены большой очаг с дымоходом, сложенный явно еще далекими предками. Рядом массивный, грубо сколоченный деревянный стол – вот его точно мальчишки соорудили сами. С десяток разномастных стульев и табуретов, притянутых невесть откуда. И ковры. Ковры тут были повсюду – на стенах, на полу, на здоровенном деревянном коробе, что стоял у дальней стены. Он заменял шкаф для посуды и топчан. По углам ворохи тряпья и подушек – они служили местом для отдыха. Тяжелый запах невымытых тел и еды, но сырости не ощущалось. Умели раньше строить – на века. Подростки тут проводили большую часть времени, обедая, общаясь, играя в кости и карты, обсуждая планы, ближайшее будущее и многое другое. Настенные ковры скрывали за собой несколько проемов. Они уводили в кладовую пищевых припасов, в спальные помещения и комнаты их предводителя – Алтая. Там же хранилось и все добытое честным, а чаще нечестным трудом: награбленное, отобранное, найденное. И через те комнаты шел еще один потайной лаз. О нем знали всего двое.

Обнаружили это подземелье во время большой зачистки, когда гвардейцы прочесывали все закоулки трущоб, отлавливая беспризорников, нищих, попрошаек и добивая больных и немощных. Таким образом они чистили город от скверны. Обычно отлов проводят раз в год, но так, не очень ста-

раются – набирают мясо для курсантов. Но раз в пять лет гвардейцы словно звереют и лезут даже в самые дебри зловонной клоаки, хватая буквально всех и каждого. Скрываясь от такой погони, семилетний пацан шмыгнул в дыру в стене дома. Он метался в панике по помещениям, пока не забился в подвал. Но лай псов-ищеек и топот ног звучал все ближе. Худой ребенок попытался от безысходности влезть в щель, найденную в потемках меж стеной и стеллажом, и неожиданно для себя провалился в пустоту. Тогда он только начал зарабатывать свое имя. И эта находка сильно упрочила его положение и статус в дальнейшем. Сильный, ловкий, хитрый, умный – он мог не только руководить, но и защитить своих товарищей. Конкурентов давил не щадя, а их людей прибирал себе. Таким образом под руководством Алтая за прошедшие годы скопилась довольно многочисленная банда. Но о главном схроне и его личном логове знали всего девять человек, включая Ворна. Благодаря этому знакомству Алтай также упрочил свое положение в городе. Ворн не только обучил его приближенных мальчишек смертельным приемам и разным боевым хитростям, но, бывало, и помогал тихо и без шума избавиться от врагов. Этот малый пользовался у его ребят уважением и восхищением, чем немного заставлял Алтая завидовать. Сегодня у Ворна отпускной день, и он точно придет навестить своих друзей в подземелье, и не просто придет, а по делу. Был на то уговор – Ворн просил об услуге, и Алтай выполнил ее. Сейчас он очень торопился,

почти бегом петляя по ночным улицам города, придерживая через карман спрятанный в подкладе куртки сложенный лист бумаги. Очень важной бумаги. Это подарок Ворну. Моросил противный осенний дождь.

* * *

Ребята, разинув рты и затаив дыхание, слушали очередную сказку Ворна про жутких зубастых тварей, именуемых мутантами, и про людей, которые надышались плохого воздуха и превратились в безумных глотов. Про опасный туман, и про самоходные крытые телеги, и про оружие, что мощнее боевых арбалетов в тыщу раз. Конечно же, они не верили и в половину из услышанного, но было страсть как интересно. В самый разгар битвы, когда Ворн сделал напряженную паузу, за дверью послышался скрежет когтей, писк и порывивание. Ворн с невероятной скоростью метнулся к входу, настезь распахнув двери.

– Мрук! Мрук!!! – В один прыжок с дверного проема прямо на грудь мальчишки спикировал здоровенный темно-серый мрякул. – Мрук! – шершавым языком вылизывал он лицо Ворна, радостно порывивая.

– Привет, дружище! Привет, хороший мой! – Парень трепал зверя с не меньшим счастьем и дурашливой улыбкой на лице. – Фу, прекрати, от тебя рыбой воняет, – закрывался он от влажного языка, но тот все равно находил момент и

место лизнуть. Ворн, подхватив зверя под крылья, принялся его разглядывать на вытянутых руках. – Ну-у-у ты и боров стал, Полкаша. Ты в курсе, друг мой, что с таким весом ты скоро превратишься в упитанную гусыню и передвигаться станешь исключительно пешком?

Пацаны заржали. Гундосый присел на корточки, растопырил руки в локтях и, крикая, пошел вперевалку, копируя гуся:

– Представь – пеший мрякул! Кря-кря...

И снова все присутствующие залились хохотом.

* * *

– Опять ты им байки травишь? – послышался веселый голос друга из темного коридора. В комнату вошел промокший Алтай.

– За Полкашу не переживай, – снимая на ходу куртку, пожал он руку Ворну. – Этот откормыш сейчас так рванул, учуяв тебя, что я за ним еле поспевал. Жрет он, конечно, знатно, но летает исправно! А главное, гадит от души. И да, Полкаша не нахлебник, сам себе на кус мяса заработать способен.

– Мрук! – словно подтвердил его слова мрякул. Он попытался уместиться на плече Ворна, ведь он так скучал без своего друга, но зад все время перевешивало, и лапы соскальзывали. Когти он, естественно, не выпускал. Нельзя. Теперь в его лапах не маленькие коготочки, а грозное оружие, спо-

собное нанести глубокую рану. После давнего ранения, когда он еще практически щенком попал в подземелье к странным людям и принял помощь от старика, в его теле стали происходить загадочные вещи. Поначалу мрякул не придавал этому значения, но со временем, когда его уши стали точно распознавать то, о чем говорят люди, Полкан понял, что с ним что-то не так. С каждым лунным циклом Полкан все больше и больше отличался от своих соплеменников. Что с ним сделал тогда тот старик, Полкан не знал. Но эти изменения ему были по душе. Они делали его умнее, крупнее – а значит, сильнее. Одно только не нравилось мрякулу – есть хотелось постоянно, а эти детеныши двуногие, с которыми его оставил друг, порой и сами голодными сидели. Непонятно зачем все добытое отдавали взрослым особям. Алтай – Полкаша хорошо запоминал все имена – очень злился в те моменты, но глушил в себе эту ярость и убирался прочь из жилища старших. А потом, у себя в логове, он долго кричал и шумел. В те моменты все сидели тихо. И есть было нечего. Полкан часто наблюдал, как детеныши охотятся. Они выходят в людные места, выслеживают добычу, ведут ее, отвлекают, а потом хватъ – и бежать. Шустрые, юркие. Большим людям тяжело за ними угнаться. Но однажды Гундосого поймали. Схватили, били. Полкаша не мог смотреть спокойно на то, как друг его друга отчаянно, но тщетно пытается вырваться, и вступился. Гундосый благополучно сбежал. В логове Полкашу все хвалили, гладили и давали много вкусной еды.

С тех пор он решил помогать ребятам. Он атаковал выбранную жертву с неба – гадил прямо на человека. И пока тот, задрав рожу вверх, матерно орал в пустое небо, мальчишки делали свою работу. Охота теперь всегда была хорошей. Алтай всегда давал вкусный кусок мяса. И гладил. Хотя гладили все, особенно Гундосый. Но без друга все равно было плохо. Тоскливо.

* * *

– Пойдем, разговор есть. – Алтай хлопнул Ворна по плечу, приглашая того в свои апартаменты. Особым шиком, по сравнению с общей комнатой, они не отличались. Те же ковры, почти такой же кривой, но меньшего размера стол. Два табурета, тоже сделанные своими руками, кровать и здоровенный железный ящик. Если это пацаны его сюда приволокли, то сильно попотели. Но скорее всего, эта громадина тут стояла с давних времен. Кресло – вот единственный предмет роскоши. Кожаное, глубокое, с подголовником и мягкими подлокотниками. Оно качалось на изогнутых ножках и одним своим видом манило – присядь, посиди, расслабься...

Кинув свою мокрую куртку на стол, Алтай вынул из кармана брюк маленький ножичек и вспорол подкладку. В руках его красовался свернутый лист грубой желтой бумаги, а на лице сияла счастливая улыбка.

– Мы нашли их, Ворн! А это, – протянул он другу лист, –

тебе. Подарок лично от меня.

Ворн принял подарок, аккуратно развернул его, прочел, дернул бровью, хмыкнул и медленно поднял голову, глядя в пространство перед собой. Взгляд его походил на взгляд демона, предвкушающего много жертвенных душ.

Глава 2

Запах пота и крови, полумрак и тяжелый угарный воздух от факелов, которые на данный момент озаряли едва ли треть огромного помещения. Буквально пару часов назад освещения было куда как больше. Народу в подробностях надо видеть все, что происходит в середине зала, на ринге. Народ требует зрелищ. Зрелищ и крови. Теперь же хромой старик и пацан лет десяти сгребают в одноколесную тачку окровавленную насыпь и вывозят прочь. Еще полчаса – и новый, чистый песок займет место прежнего, скрывая под собой бурые пятна, покрывшие землю в этом месте. Ринг будет готов к завтрашним представлениям: новые жертвы, новая кровь и, возможно, новые победители. А может, и старые... вновь одержат победу.

– Слышал, ты был чемпионом, – обратился к старику мужчина, сидевший на скамейке первого зрительского ряда. Он искоса наблюдал за уборщиками. Вид хмурый, торс и лицо покрыты многочисленными ссадинами и шрамами, как старыми, так и свежими. Худощавый телосложением, но широк в плечах. На вид лет тридцать, может, чуть больше.

Старик прекратил свою работу, оперся на черенок лопаты.

– Но давно, – вздохнул он, глядя на то, как собеседник не спеша бинтует левое колено, и неосознанно потер свое.

Переступил с ноги на ногу и добавил: – Слишком давно.

– Говорят, ты ушел из спорта не из-за травмы.

– Нет. Из-за него. – Старик кивнул в сторону мальчонки, который, натужно пыхтя, катил полную тачку песка.

– Внук?

– Сын. – Старик горько усмехнулся, проведя рукой по седой бороде, и мужчина заметил, что тому на самом деле не больше пятидесяти лет.

Уродливый широкий шрам через все лицо и седая шевелюра прибавили пару десятков лет, сделав еще вполне молодого человека похожим на немощного старца. Что произошло в жизни этого бывшего бойца и что послужило причиной его теперешнего вида и положения, собеседник спрашивать не стал. Он просто молча кивнул в ответ. И продолжил перевязку.

– Что ты хотел спросить, Гриня? Думается мне, не из праздного любопытства ты про чемпионство вспомнил.

– Верно думается, Ветер. Ты же с травмой колена на ринг выходил?

– Дважды, – усмехнулся тот и, передав лопату мальчишке, похромал к выходу из ринга.

* * *

Гриня бился уже третий год, работая на толстого Вильяма. Не напрямую, понятное дело, через подставных людей, но

то, что именно этот жирдяй теперь заправлял всеми клубами Лаки, он знал точно. Не раз ему передавали весточки от друзей с намеком, что их жизнь может оборваться в любой момент. К примеру, если Гриня сбежит или откажется биться, а если он проиграет, то накажут не его – Лаки или еще кого из их компании. Почему ребят он никогда на боях не видел, почему таскали по рингам только его, он не знал. О судьбе своих друзей достоверно тоже ничего не знал. Известно было лишь одно – они живы. Вот Гриня и бился. Бился что было сил, вкладывая в каждый бой всю свою ненависть и злобу от бессилия. И ждал. Чего – и сам не понимал, но Гриня чувствовал ветер перемен, как тот пес – шестым чувством. Сдохнуть именно сейчас было нельзя – непростительно. Пройти через столько и упасть на пороге – нет. На той неделе ему повредили колено. А через два дня бой с Ханосом. Это двухметровая непробиваемая груда мышц. Звероподобный, кровожадный, он не оставляет в живых своих противников. Смерть, и только смерть в спарринге с ним. С таким коленом у Грини не было и шанса. И даже этот ненасытный боров Вильям на этот раз сделает ставку не на него. Ведь он не любит проигрывать и явно специально договорился на этот бой, узнав о травме Грини. Мечь... Злопамятный упырь! Не забыл, гад, обиду. Нажился изрядно и теперь хочет пустить в расход отработанный материал, урвав последний куш.

– Я видел твои бои, – Ветер присел на край скамьи, – техника хорошая. Лаки недурно тебя обучил. Тут мало кто уме-

ет так работать ногами, как ты. Твое преимущество – скорость и ноги.

– Ага, именно благодаря ногам и скорости я завтра и одержу победу! – зло перебил его Гриня, сжав больное колено Ветра.

– Ты руку-то убери. И гонор свой в задницу поглубже за-сунь. Раз за помощью пришел, будь добр, заткнись и слушай. Скорость и ноги – это твой шанс на победу, – повторил с нажимом старик, строго посмотрев в глаза собеседника. – Ханос как скала – могуч, но столь же неповоротлив. В торс не бей, зря только время и силы потратишь. Он не чувствует боли. Но это тебе на руку. Каким бы огромным ни был оппонент, но лиши его опоры – и он рухнет. А чем он больше, тем громче падать придется. В лоб тоже не бей. Этим лбом он ломает деревянные щиты и мнет железо. Но вот затылок у него слаб. Ну, вроде все. Вопросы есть?

– Не чувствует боли, говоришь? В смысле, совсем не чувствует? Проклятый, что ли?

– Тсс! Тише ты. – Ветер оглянулся по сторонам. – Нет. Только на время боя. Но я тебе ничего не говорил. – Он посмотрел на сына, который граблями ровнял песок на ринге. – Еще бы лет шесть хотя бы, а там он и сам не пропадет, – тяжело вздохнул бывший боец. – Не знаю я, но думаю, с Ханосом что-то делают перед самым выходом на ринг. Это ты пришлый, боец перекатный. А он тут всегда бьется. Пони-маешь, всегда, только тут, и никуда не ездит. Прежде нор-

мальным был, но в последнее время... Странный стал... На улицу не выходит, света дневного боится. Я раз полог оконный откинул, не заметил, что он в комнате был, и чуть жизни не лишился. Ханос взревел зверем раненым, метнулся прочь со света, а как я обратно задернул – вернулся. За горло взял меня и клятвенно побожиться заставил, что о том никому не скажу. Я и молчал. И сейчас никому не говорю. Так, с тенью беседую о наболевшем. Правда, Тень? – хитро подмигнул он Грине.

– Я понял тебя, Ветер. Спасибо.

Бывший чемпион кивнул в ответ, поднялся с лавки и похромал к рингу.

– Постой! – окликнул его Гриня. – Почему ты со своим пацаном тут обитаешь до сих пор? Почему не ушел?

– А куда? Нам некуда идти. Тут есть крыша над головой, еда и защита.

Гриня вопросительно изогнул бровь.

– В этом клубе меня многие помнят, а кто забыл, так я пока в силе напомнить. Лаки уважают, и слово его чтут даже без него. А ты знаешь закон о заслуженных бойцах, ушедших с ринга. В других местах у меня не будет этой привилегии, и мой сын раньше времени останется один. Я не успею вложить в него то, что хочу.

Гриня понимающе кивнул.

– Хочешь его бою обучить?

– Нет, – мотнул головой старик. – вернее, не только. Не

в этом дело. — Чуть помолчав, он продолжил: — Хочу, чтобы он смог выжить в этом мире, вот и все.

Оба мужчины молчали, задумчиво наблюдая за пареньком, который посыпал пол песком.

— Спасибо тебе, Ветер, — прервал молчание Гриня. — За разговор спасибо. И за науку. Я учту твои советы и постараюсь не сдохнуть раньше срока. — Гриня поднялся и протянул руку старику.

Ветер кивнул, пожал протянутую руку. Гриня ушел, а старый боец остался сидеть, крепко задумавшись, размышляя о своем. О жизни. О сыне. О будущем.

* * *

Наступил день боя.

— Здесь! Чемпион! Я! А ты! Всего лишь дерьма кусок! — орал Ханос, нагнетая обстановку и вводя себя в боевой транс. Он издавал дикие вопли, стуча себя огромными кулаками по бицепсам и в грудь. Вены на его массивной шее вздулись, белки глаз покраснели. Тело покрылось крупными бусинами пота.

— Ты! Труп! Ты! Покойник! Я проломлю твой череп! Я Молот! Я — Человек-Молот!!! — рокотал он подобно грому.

Толпа редела от восторга, предвкушая отличное представление и приветствуя своего кумира — непобедимого Человека-Молота. Люди аплодировали стоя, выкрикивали его имя и

пожелания варианта смерти, делали ставки. Мальчишка Ветра ходил по рядам с корзинкой, предлагая прохладительные напитки, алкоголь и семечки.

На балкончике для элитных гостей показалась внушительной округлости фигура в сопровождении молоденькой девушки и двух рослых мужчин. Господин необъятных размеров, пыхтя и отдуваясь, грузно уместился в кресло. Дама присела рядом, а охрана встала позади. Сгорбившись в рабочем поклоне, в ложу вошел старший смотритель за этим бойцовским клубом.

Гриня заметил, как после короткого разговора жирдяю был передан такой же, как и сам он, тучный мешочек с монетами. Вильям довольно оскалился, кивнул и, потеряв интерес к своему собеседнику, уставился на ринг. Его пухлая рука легла на колено девицы и поползла вверх, отчего та вздрогнула и, вымученно улыбнувшись, побледнела.

– Ставки сделаны! Время ставок вышло! Прошу всех занять свои места! – прозвучало по залу. Людской гомон стих, чтобы вновь взорваться после третьего удара в гонг. Бой начался.

Гриня осторожно, словно дикий кот, приставным шагом скользил вокруг Молота. Он не собирался начинать бой первым. Зачем, если этот увалень делает все сам. И нападение противника не заставило себя ждать. Взревев медведем, Молот ринулся вперед, нанося сокрушительный удар своим огромным кулаком, но соперник странным образом укло-

нился и, прыгнув с места, перелетел через голову громилы, попутно треснув ногой по затылку. Мир в глазах Молота дрогнул и поплыл. Здоровяк растерялся, но, быстро придя в себя, озверел еще больше.

– Пор-р-рву-у-у!!! – взревел Молот, крутанувшись на сто восемьдесят градусов с растопыренными ручищами, готовый заключить в смертельные объятия злостного нарушителя его планов, ведь обреченный на поражение заведомо ждет смерти.

Но хлипкий противник вновь ушел, поднырнув под руку, тут же нанося град ударов под колени, в затылок и завершающий – в кадык. Свет в глазах Молота взорвался сверхновой и померк. Он рухнул на колени. В ушах звенело, в голове остро пульсировало.

Громила стоял на коленях, сжимая собственное горло, хрипя и булькая кровью, которая мелкими брызгами вылетала изо рта при каждой попытке выдоха. Широко распахнутые глаза и непонимающее выражение лица так и застыли маской смерти. Молот рухнул в песок. Люди молчали. За пределами шатра, где-то на улице, слышался одинокий лай собаки и ржание мара. Высокородный гость раздраженно, в резко накотившем гневе смачно плюнул себе под ноги, поднялся и, отпихнув испуганную бледную девушку со своего пути, покинул балкончик.

Обстановку разрядил осипший голос ведущего. Он прокашлялся и заорал:

– Поражение засчитано! И-и-и! У нас! Новый! Чемпион! Прошу приветствовать – Тень!!! Да здравствует Тень!!!

Подойдя к Грине, схватил того за запястье и вздернул вверх руку победителя. Гриня улыбался.

* * *

Получив заслуженные аплодисменты, отвесив поклоны торжествующим зрителям, Гриня отправился в свою комнату. В коридоре он заметил двух мужчин, ранее не виденных им в этих местах. Мазнув по ним взглядом, он подошел к своей комнате, отпер замок, распахнул двери и завис на пороге, глядя на происходящее в его вынужденном временном жилище.

На столе стоял поднос с мясом, миска с фруктами и запотевший кувшин прохладного вина. На ложе в очень аппетитной позе уместилась симпатичная молоденькая девица. Она изящно двигала телом, приманивая свою жертву. претендент на роль жертвы стоял на пороге, не решаясь войти в комнату. Интуиция тревожно стучала в набат. Дурманящий аромат копченого мяса ударил в нос, и Грину словно приложило по голове. «Девка в комнате? Копченое мясо?! Ну ладно, смотрящий этого ринга мог отпереть своим ключом двери и впустить девку, дабы порадовать, наградить победителя. Но мясо? Знающий человек никогда не предложит бойцу копченостей. Нельзя. Не едят они этого. А тут целый окорок.

Нет, смотрящий точно не мог этого сделать. Тогда – кто?»

Гриня медленно вошел в комнату, прикрыв за собой дверь. Осмотрелся и, присев на табурет, с легкой полуулыбкой спросил у жрицы любви, кто ее сюда прислал.

– Не знаю, мой победитель, – прожурчала она обворожительно, словно невзначай поглаживая свое обнаженное бедро с тоненькими цепочками вместо одежды. – Мне было велено прийти сюда и выполнить все твои пожелания, мой победитель.

– А еду кто принес, видела?

– Видела. Мужчины, те, что сопровождали меня сюда. Они приказали мне ждать тебя, все поставили на стол и ушли. А что, что-то не так, мой победитель? Тебе не нравится еда? Или я не в твоём вкусе? – При этих словах она чуть привстала, изогнувшись и потянувшись словно кошка. – Я многое умею, – мурлыкнула она, облизнувшись. – Ну иди же ко мне!

Гриня сглотнул, пытаясь промочить пересохшее горло, и, смахнув со лба выступивший пот, судорожно выдохнул.

Он оставался на месте, не сводя глаз с прелестницы, но боковым зрением держал под наблюдением все помещение. На первый взгляд все было как обычно, постороннего наблюдения он не чувствовал. Противоречивые мысли металась в его голове, устроив там целое сражение. Одни твердили, что он параноик и надо брать и драть, пока есть кого. А другие орали о том, что это ловушка. Наступив на горло своему желанию, Гриня приказал девушке убираться, на что

она слезно молила не прогонять ее, а позволить ей отработать заплаченные мадам деньги. Иначе та самая мадам крепко накажет неумеху, от которой отказался клиент. Причитая и слезно упрашивая, девушка поднялась с кровати и сделала пару нерешительных шагов к мужчине. Она сложила в умоляющем жесте руки на груди, подбитой ланью заглядывала в глаза и приближалась. Робко, осторожно, шагок за шагом. Милая, нежная, такая беззащитная, что сердце сжалось бы от этой детской тирады у любого, у кого оно есть. Гриня дрогнул, засомневался, тоже шагнул ей навстречу. И в этот момент поймал, буквально на миг, ее взгляд. Взгляд не запуганной овечки, а расчетливой волчицы, ждущей удобного момента для смертельного броска. Хлоп ресницами – и вновь перед ним несчастная милая глупышка. От такой перемены образа он аж проморгался и словно отрезвел. Остановился, не дойдя до нее пару метров. Посмотрел на нее зло, с раздражением.

Постельная утешительница, смекнув, что уговорами она желаемого не получит и вообще, кажется, она прокололась, решила идти ва-банк. Это ее последний шанс. Она должна успеть. Мелькнул предмет, зажатый в хрупкой руке девчонки. И... неожиданно для Грини она буквально бросилась на него.

Гриня отреагировал молниеносно. Подобно удаву, он зажал девушку так, что она не могла не то что пошевелиться, но даже пискнуть была не способна. Однако краткого мига

хватило ей, чтобы уколоть своего противника в бедро странным предметом. Этот предмет тут же выпал из перехваченной руки. Звонко брякнув об пол, он разбился на мелкие осколки. Целыми остались лишь игла и незнакомые Грине детали. Пятно на полу говорило о том, что этот предмет содержал в себе жидкость и она не была введена в его тело. Либо была, но не вся. По крайней мере, пока он не чувствовал, что умирает. Напротив – его обуяла волна агрессии и силы.

– Вот теперь, милая, давай поворкуем с тобой по душам, если не хочешь, чтобы я сейчас стал выкручивать тебе сустав за суставом, – зло прошептал он ей в самое ухо и в довесок к словам слегка придавил. Лицо исказилось гримасой беззвучного крика, глаза девчонки вытаращились – в них отразились адские муки. По щекам побежали теперь уже настоящие слезы.

– Ну, рассказывай, – ослабил он хватку. – Вздумаешь орать или брыкаться – пожалеешь.

– Они убьют меня! Пощади! – сипло всхлипнула девица. Гриня вновь придавил ее. Девчонка болезненно заскулила.

– Скажу-у-у. Все скажу-у-у, – глотая слезы, начала она говорить после того, как хватка вновь ослабла. – Ты убил их Молота, и тебя хотят на его место. Мне приказано усыпить тебя и сделать первый укол. Потом с тобой будет говорить Хозяин. Соглашайся, Тень. Они серьезные люди...

Не успела она договорить, как дверь в комнату распахну-

лась без предварительного стука. Гриня, швырнув на кровать девчонку, встал в боевую стойку, готовый биться насмерть, рвать всех голыми руками. Но драться с ним никто не собирался. Один из вошедших парней грубо схватил за руку девушку и поволок в коридор, откуда послышался звонкий шлепок и женский вскрик. Двое других остались у прохода, прикрыв двери. Третий же, подняв опрокинутый на пол стул, не спеша уселся на него и, облокотившись на стол, с интересом вперился взглядом в Гриню.

Выглядел мужчина солидно. В дорогом темно-сером костюме, на шее повязан шелковый белый платок. В руках трость с серебристым набалдашником в виде оскаленной головы иглотигра. Закрытые черные туфли, очень дорогие. Гриня видел такие у хуманов – те мастерили их по особым, древним заветам – на продажу в столицу. Аккуратно стриженная темная борода довольно выгодно подчеркивала статус немолодого, лет пятидесяти, мужчины. Он обратил внимание на темное пятно, что расползлось по доскам, тронул носком своей дорогой обуви осколки, наступил на них, нажал. Звонко хрустнуло.

– Уколола? – Глаза его хищно сузились, пробежали по лицу Грини, и, заметив его расширенные зрачки, он продолжил довольным тоном: – Уколола. И много эта шлюшка тебе рассказать успела?

– Нет. Кто ты и что тебе от меня надо? – Гриня тяжело дышал. Ярость буквально бурлила в его крови. Стоять не бы-

ло сил. Хотелось действий, движений, все крушить, ломать, убивать. И это желание – убивать – его пугало больше всего. Гриня делал глубокие вдохи и протяжные выдохи, пытаясь контролировать свое уплывающее сознание.

– Ты знаешь, кто такой Вильям, – прорычал он севшим голосом, – и то, что я его боец?

Гость кивнул.

– Этот уважаемый господин заключил со мной взаимовыгодную сделку. Ты хочешь стать непобедимым и попасть в историю государства? Я дам тебе такую возможность. И еще многое другое могу дать. Как насчет этой крошки, что была у тебя? Хочешь ее на каждую ночь? Или, если желаешь, девочек будет много. Разных. А если тебя другие утехи интересуют, то и это достанем, не вопрос. Ешь что пожелаешь, пей сколько хочешь – не жизнь у тебя будет, а рай. И всего лишь два боя в месяц. – Мужчина сидел вальяжно, закинув ногу на ногу и покачивая своей дорогой туфлей. Снисходительно улыбаясь, он цепко смотрел Грине в глаза, рассматривая, изучая.

– Непобедимых не бывает. Как видишь, я побил твоего напичканного снадобьями бойца голыми руками. Он у тебя так разжирел, что не смог удержать собственный вес. Его бросало в пот еще до начала боя, а ты мне тут про рай толкуешь? Да ты вообще ни черта в этом деле не смыслишь! Иди ты знаешь куда...

– погоди, не торопись с выводами, – усмехнулся мужчи-

на. – Подумай. Выбора у тебя все равно немного. Не глупый, вижу, понимаешь же все. А оно и к лучшему, что понимаешь. Будешь принимать снадобье перед боем. Все остальное время ты волен делать что хочешь. Ну, за маленьким исключением – не советую гулять днем. Это снадобье не любит солнца. Тебе будет... неприятно. – Ехидная ухмылка исказила его холеное лицо.

– А ночью?

– Да пожалуйста, сколько угодно.

Гриня сузил глаза. Усмехнулся.

– И по какой-то причине я не уйду от тебя? Не сбегу? Так?

– Верно, – кивнул мужчина. – Это еще один маленький недостаток – нужны повторные уколы, иначе ты погибнешь. Сам достать это снадобье ты нигде не сможешь. А процесс смерти от его нехватки в твоём теле довольно длительный и мучительный. Поверь, тебе не захочется такого конца.

Гриня молчал, сжав кулаки так, что костяшки на пальцах побелели. Челюсть сводило от напряжения. Сердце тяжело, гулко ухало о грудную клетку. Волна ярости потихоньку откатывалась, унося с собой и силы. Бисерины пота выступили на лбу.

– Чувствуешь это, да? – довольно заулыбался незнакомец, заметив состояние Грини. – Ты получил первую дозу. Теперь тебе деваться некуда, Тень. Теперь ты весь мой, – лучился мужчина превосходством и довольством. – Но сейчас я тебя держать не стану. И докучать тебе сегодня – тоже. Пока что

ты свободен. Отдыхай. Наслаждайся жизнью, боец. Можешь проваливать на все четыре стороны. – Гость встал. Довольный, он направился к выходу и, не оборачиваясь, добавил: – Но через неделю ты сам будешь меня искать. – И, не прощаясь, ушел.

На краю стола остался лежать туго набитый монетами увесистый кошель.

Гриня устало опустился на кровать, бессильно свесив руки. Взгляд его упал на небольшое пятно крови, расплывшееся по штанине на правой ноге. По спине пробежал озноб. Все тело мелко трясло.

– Сука... – в бессильной злобе процедил он, стиснув зубы. – Сука... – схватился за край кровати, стараясь не упасть.

Глава 3

Полумрак. И такой же густой, тяжелый воздух, как и свет, коего недоставало в должной мере в этом неопрятном помещении. Грязный пол, деревянные столы и лавки, запах пота и перегара – обычная обстановка для дешевой забегаловки. Дюжина пьяных моряков гуляла сегодня в этой таверне, наводя ужас на местных пьянчуг.

Фальшивый смех портовых шлюх, гомон и мужской хохот звучали сегодня в этих стенах как никогда громко. Моряки шумели и откровенно борзели, хватая взмысленных официанток за непотребные места, и грубо донимали обычных, каждодневных посетителей. То им не понравилась троица работяг, тихо ужинавших за соседним столом, то одиноко прикорнувший за барной стойкой мужичок оказался интересен. Люди потихоньку покидали таверну, предчувствуя неприятности. Официантки в слезах наперебой жаловались хозяину заведения и отказывались обслуживать этих дикарей. Одну из ночных бабочек разложили прямо на столе и, подняв подол пестрого цветастого платья, пользовали по назначению под всеобщее улюлюканье, советы и одобрение.

– Северяне... – Печаль на лице Ксандро, хозяина таверны, была вселенского масштаба. Он скривился так, словно у него в одночасье заболели все зубы разом.

Тут оставалось только одно – ждать, когда они ужрутся и

отчалят восвояси, и молиться, чтобы попойка не перешла в откровенный грабеж. Можно было вызвать отряд стражников, но горький опыт подсказывал, что лучше этого не делать. Драки тогда точно не избежать – разгромят весь зал. А поутру еще и показания давать, да и вообще, протаскают и промурыжат несколько дней по допросным. Всю душу вымочат, а эти дикари, один черт, откупятся. И в довесок ко всему в тот день, когда их жуткое, с черепами, судно отчалит от берега, полыхнет ярким пламенем его заведение. Проходил он уже через это. Чуть не разорился. Благо кубышки прикопанные отрыл на пепелище, с них и поднялся вновь.

* * *

Дверь распахнулась, и на пороге показались четыре подростка.

– Нет, ребят, ток не сегодня, – вымученно простонал хозяин таверны.

С этими сопляками у него был негласный договор. Они иногда работают у него в заведении, обчищая «уставших» клиентов. Зато щедро платят за ужин и Ксандро спит спокойно, зная, что никто не влезет к нему в окошко и не потребует спрятанных денег, приставив ножик к горлу. Просить защиты у их старших – так то на то и выйдет, если не хуже – та же крыша, только денег драть в три шкуры с него будут. А сопляки эти... Да черт с ними, пусть промышляют.

Хлопот от них нету, затрат тоже. Ксандро знал, что у «этих» своя иерархия и вся территория поделена. И если одна шайка кормится в этом месте, то вторая уже не полезет. «Из двух зол, сынок, выбирай меньшее», – так всегда говорила мать Ксандро. Вот только какое зло сегодня меньшее? Ксандро протер дрожащей ладонью вспотевшую лысину. И вновь высунул из-за шторы свой гордый птичий профиль. Из темного прохода на втором этаже, где располагались две каморки для утех и его личный кабинет, ему хорошо был виден весь зал. Мальчишки сели за самый дальний столик, что стоит почти у входа в кухню. Зажгли масляный светильник, чего обычно не делали, и, заказав еду (девочки знали этих клиентов в лицо и старались обслуживать их сразу), просто сидели и беседовали. Они не наблюдали за залом, как обычно, выискивая себе жертву. Они вообще, кажется, сегодня пришли не работать, а отдохнуть. Поняв это, Ксандро с облегчением выдохнул и даже, радостно почесав свой округлый пивной животик, намеревался спуститься вниз, чтобы сообщить малолетним гостям, что их сегодня угощает заведение. И да, вон того, четвертого, Ксандро видел впервые. Парень не из «этих», одет солидно, при оружии, выправка прямая. Больше похож на барчука. Интересно, что такой птенчик делает в стае стервятников?

Видимо, на подростков обратили внимание и моряки. Отпустив в их адрес грубую шутку на своем языке, пьяные северяне дружно заржали. «Барчук» скривился и отвернулся.

Неужто смыслил их заморскую речь?

В этот момент взвизгнула одна из официанток, Анютка – самая молоденькая из его девочек. Принял на работу ее совсем недавно. Строптивая, спесь пока слететь не успела. «Ох, не надо было ее в зал выпускать сегодня, ох, не надо...» – подумал Ксандро и спрятался обратно за занавеской. Прозвучала звонкая пощечина – и вновь визг девчонки, который тут же растворился в дружном смехе пьяных глоток.

Девочку грубо сграбастал в медвежьи объятия звероподобный мужик, лохматый, как йети. Лицо его, не отмеченное признаками великого разума, счастливо скалилось желтыми зубами.

– Пусти! – Тонкий голос прорвался сквозь шум. – Пусти, говорю! Думаешь, тебе все позволено?! Хрен тебе! Пусти, скотина! – брыкалась она и извивалась всем телом, безнадежно пытаясь высвободиться. Ее маленькие кулачки колодили в могучую грудь, не причиняя охальнику ничего, кроме веселья. Он тискал ее, словно игрушку, говоря товарищам, что эта крошка ему по душе и надо бы ее прихватить с собой в плаванье. Девчонка извернулась и что было сил укусила его за кисть.

Бранно ругнувшись, здоровяк отдернул руку, замахнулся, но, поймав злой взгляд пацана, который сидел неподалеку, остановился, так и не нанеся удар.

Тут же сменив объект интереса, он весело крикнул через зал:

– Эй, сосунок, подойди сюда!

Но слово «сосунок» произнес на своем родном языке, которого пацан, по идее, знать не мог. Ко всеобщему удивлению, тот ответил на их родной речи, чисто и без запинок:

– Кого ты сосунком обозвал, меня? Ты видел свое лицо, обезьяна? Отпусти девочку, утырок.

– А что с моим лицом не так? Я не нравлюсь тебе, да? – с угрозой в голосе поинтересовался северянин, тяжело поднимаясь с лавки. В его глазах играл огонек куража. Отшвырнув в сторону свою недавнюю игрушку, он направился к новой, предвкушая иное веселье.

– Тебе помочь, малой? – с ухмылкой, насмешливо спросил у пацана другой северянин.

– Мне не нужна помощь, – огрызнулся пацан. – А ты, – пацан вперился полным злости взглядом в первого моряка, – не девка, чтобы нравиться мне.

– А ты гляди, дерзкий-то какой, – усмехнулся рядом сидящий северянин с множеством шрамов по всему телу. – Наш, что ли?

– Языку обучен, но не похож на нашего, – буркнул тихо рыжий, так, чтобы слышали только свои. – Ща поглядим.

– Зашибет же мелкого, – прозвучало в стороне.

– Обожди, – переговаривались вполголоса двое, судя по виду, занимавшие не последнее место в этой шайке.

Но Ворн все слышал, выхватывая из общего гомона иностранные слова.

Громила вальяжно, нарочито показушно размахивая ручищами, вразвалочку подошел к столику с подростками и, оскалившись, попытался ухватить наглого сопляка за шкирку, но тот шустро так вывернулся и, подпрыгнув, врезал своей головой ему в подбородок. Больно врезал. Весь зал услышал, как лязгнули зубы у мужика, и глаза при этом стали у него большие, удивленные. А после случилось и вовсе немыслимое. Пацан подпрыгнул, крутанулся и ударил с разворота ногой прямо по неверящему лицу морского волка. Тот только сдавленно хрюкнул и, пошатнувшись, рухнул на пол. Но сознание не потерял, а, мотнув головой, словно мокрая собака, зарычал и начал подниматься. Но не успел. Пацан снова треснул его ногой, так ловко и сильно, что здорового детину повело, он сделал пару шагов назад и, запнувшись, рухнул спиной аккуратно на стол своих друзей. Стол хрустнул и сломался, накрыв мужика двумя половинками.

– Ах ты, паскуда мелкая! Убью, сучонок! – прозвучал яростный рев из-под обломков досок и битой посуды. Упавшие вместе с ним товарищи также пытались встать, обещая оторвать гаденышу ноги и руки и засунуть их в определенные места.

– Ворн! Бежим! – дернул его за рукав бледный как мел Алтай.

– Думаешь, я его боюсь? – набычился парень, отдернув руку.

– Остынь, не время пока. Их слишком много. – Алтай яв-

но нервничал и очень хотел поскорее обратиться из таверны.

– Вы идите, а я сам тут... разберусь, – прорычал парень, сверля взглядом северян, которые пылали не меньшим интересом к нему.

– Дурак ты, Ворн. И не лечишься, – вздохнул Алтай и глянул на Косого. Мальчишка, без слов уловив приказ, опрометью бросился в кухню.

В двери ломиться смысла нет – не выпустят, а вот на кухне был еще один проход, через который мелкий проныра и сбежал из таверны, кинувшись сломя голову за подмогой. Ворн это понял, потому что за его спиной встали Серый и Алтай. Четверо взрослых мужчин – не мирных рыбаков, а воинов, закаленных ветрами штормов и кровью множества сражений, – стояли против троих подростков, даже на вид не вызывающих особого опасения. Вожак морской команды, кряжистый рыжебородый мужик со множеством татуировок на лице, явно веселился.

– Насмерть только не зашибите малых, – сказал он, улыбаясь и отступая в сторону, чтобы не мешать, но при этом и наблюдать за происходящим.

Первым кинулся невысокий худощавый блондин с косичками в бороде и черными полосами под глазами и тут же получил лавкой в голову – это Серый запустил деревянный снаряд в противника. Мужика повело в сторону. Он согнулся, оперев руки в колени.

– Хех! Бодренько! – изрек весело он, мотая головой. –

Весь хмель сдуло!

Алтай проскользнул меж растопыренных ног своего противника и от души пнул того в зад. Потеряв и без того с трудом найденное равновесие, пьяный мужик рухнул всем телом на своего собрата, который, наконец-то выбравшись из-под обломков, только-только принял вертикальное положение, едва поднявшись с четверенек. Оба с грохотом рухнули обратно, добив несчастный стол до состояния «Ремонту не подлежит. Дрова». Моряки, не участвующие в потасовке, хохотали так, что с крыши таверны сыпался мусор. Они ржали, словно мары, обожавшиеся забродивших яблок, держась за животы, тыкая пальцами и комментируя происходящее, подбадривали товарищей шуточками. Кто-то из них порывался пойти на помощь своим перебравшим алкоголя друзьям, но был остановлен движением руки вожака.

«Пьяные-пьяные, а соображалка работает», – отметил про себя Ворн, уловив этот момент. На него наступали сразу двое. С одним он справился легко, а вот второй, несмотря на количество выпитого, расценил противника как более серьезного, нежели подумали о нем изначально. Он шел вразвалочку, растопыбив руки и ноги, вроде как пьяненький, но взгляд у него был слишком цепким. Алтай попытался атаковать со спины и тут же был откинут к стене одним коротким движением. Здоровяк даже не взглянул на досадную помеху, устремив все свое внимание на Ворна, который тоже двигался, словно прекрасно вышколенный и закаленный в

боях воин. Северянин это оценил по достоинству. Его товарищи тоже. Ладонь Ворна зачесалась, почувствовав призыв ножа. «Нет, не сейчас, – мысленно отверг он помощь стального друга. – Я сам».

Веселье в зале стихло. Вокруг двух противников сам собой образовался круг чистого пространства, как на ринге. Все внимательно наблюдали. Один из моряков, что валялся на полу, очухался и попытался встать, но тут же грохнулся обратно, получив по голове кувшином из-под вина – Анюта постаралась. На них взглянули мельком, но предпринимать никто ничего не стал, а снова устались на двоих противников, которые, плавно перетекая, кружили по импровизированному рингу.

– Ну что, струсил? – призывно махнул рукой противник Ворна. – Ну, давай, малой, нападай. Покажи себя! – ухмылялся он.

Но мальчишка не спешил, тогда моряк сделал мах правой рукой. Ворн отклонился и понял, как просчитался. Навстречу ему, слева, летел невесть откуда взявшийся кулак. Яркая вспышка света и боли от удара в лицо – и тут же пинок в грудь, от которого пацан, согнувшись пополам, улетел в дальний угол зала. Шлепнувшись на что-то мягкое, Ворн застонал. Под ним тоже кто-то застонал, затем матерно выругался и зашевелился. Вглядевшись в лицо человека, на которого он так удачно приземлился, Ворн оторопел.

– Гриня? Гриня, наших быют! – успел он пару раз хлопнуть

товарища по щекам, прежде чем здоровенная лапа, схватив его за ногу, поволокла обратно, на середину зала. Ворн прикинулся полуживым. Моряк – косая сажень в плечах и почти два метра ростом, сильно похожий на бурого медведя, как мастью, так и статью, поднял свою добычу одной рукой, так, что голова мальчишки оказалась на уровне пояса мужика.

– Ну вот, прыгунок, и попался, – хохотнул он басом. – Все, кэп, кажись, спекся пацан, – отвлекся от своей жертвы верзила.

Этого Ворн и ждал. Один точный удар кулаком – и моряк, неестественно тонко для такого детины ойкнув, выпустил пацана, схватился за пах и, сжав колени, медленно осел на пол, издавая странный звук, схожий со звуком сдувающегося колеса. В зале дружно заржали, пророча мужику долгое воздержание от плотских утех и готовность к празднику хранителя всех младенцев, намекая на цвет его яиц, заодно хваля мальчишку за смекалистость.

Ворн вскочил на ноги, окидывая взглядом помещение, оценивая обстановку. Алтай так и лежал у стены, Серого, скрутив ему руку за спиной, удерживали северяне. Теперь на него смотрели не только с насмешкой, но и с интересом.

– Возьми его – и уходим, – тихо, на своем языке, приказал капитан.

К мальчику шагнули сразу четверо. Они больше не шутили. Лица их были серьезны.

Ворн разбил нос одному, выбил руку другому, но ближник

вождя схватил его и, скрутив, приподнял.

– Поставь ребенка на землю, – еле ворочая языком, произнес знакомый Ворну голос.

Гриня стоял, пошатываясь, держа в руках ножку от стола.

– Наших бьют! Наших бьют! – раздалось за окнами таверны, и послышался топот от множества ног. Дверь гулко бряцнула, и в помещение ворвалась толпа ребятни, а вслед за ними послышалось и ржание маров – то явился отряд имперцев, которые вломились с криками:

– Где пожар?! Какой пожар?!

Гвалт, суматоха, Ворна выпустили, имперцы принялись хватать и вязать всех подряд. Северяне сцепились с имперцами. Ксандро застонал, схватившись за лысину.

– Не я, не я их позвал! – проблеял он вымученно, уже предвидя, как пылает его таверна.

– Быстрее, быстрее! Сюда! – схватив Ворна за рукав рубахи, тянула его та самая девчонка, из-за которой все и началось. Ворн только и успел ухватить за шкуру шатающееся тело с перекошенной блаженно-счастливой улыбкой на невменяемой роже. Пробегая по темным коридорам, он то и дело обо что-то спотыкался. Тело, которое он тянул за собой, хрюкнув, завалилось и собралось спать там, где и упало. Ворн вскинул его на плечо и поволок дальше.

– Иди, твои там, – сказала девушка и выпихнула пацана с «дровами» на плече на улицу. «Дрова» блаженно скалили зубы, бормоча нечто невнятное, одному ему понятное, и пе-

риодически икали.

При свете луны Ворн разглядел несколько знакомых ребят, среди них Серого и Сабира, которые под руки тянули бесчувственного Алтая. Перескочив через помойную канаву, компания скрылась в подворотне, оставив за спиной шум и гам таверны.

Глава 4

Эта десятина учебки далась Ворну сложно. Ожидание – само по себе бремя тяжкое, а тут еще и палки в колеса ставят как назло: нарываються на ровном месте, а проучить негодя нельзя – накажут, лишат отпускного дня. И все будто чувствуют, что у него руки связаны, и наседают, и борзеют. Трудно, ох как трудно уходить мирными путями от тех, кто явно выпрашивает в морду, но надо.

После нечаянной встречи с Гриней в таверне Ворну так и не удалось нормально пообщаться с другом. Оттащив его невменяемое пьяное тело в одно из прибежищ мальчишек-беспризорников, Ворн почти до утра провозился с Алтаем, оказывая тому посильную медицинскую помощь. И угораздило ему так свезти: грохнуться о стену, затем на острые осколки. В итоге множественные порезы разной тяжести, сотрясение мозга и переломы ребер и ключицы. Серый отделался лишь поврежденными связками на руках. Утром, перед уходом, Ворн попросил Серого рассказать об их встрече Грине, когда тот проспится, и сообщить, что через десять дней, когда наступит время новой увольнительной, он будет ждать друга тут, в этом месте.

Шел седьмой день.

Вечером, после изнурительной тренировки и ужина, все отправились в баню. За чистотой тела тут следили стро-

го. Грязь несет с собой дизентерию, гельминтоз, педикулез и многие другие болезни, могущие лишить империю будущих воинов, в которых уже вложено немало государственных средств.

– Ты чертов везунчик, Ворн, – зло хмыкнув, сказал крепкий чернявый паренек, промывая кровоточащую ссадину на груди. – Если бы я не оступился...

– Это не везение, Шоня. Со зрением у тебя проблемы, и с реакцией тоже – не заметил чертов камень под ногой. Его не глазами надо было видеть, а нутром чувствовать. В реальном бою это стоило бы тебе жизни. А я, заметь, даже ребра тебе не сломал. Так, лишь слегка обозначил удар. – Ворн, подмигнув, хохотнул и принялся намыливать мочалом.

– Пф-ф, – презрительно стрельнув взглядом в сторону говоривших, влез в разговор блондин со множеством шрамов по всему телу. – Он, может, и камень не увидел, а интересно, что видят твои сестры, когда развязывают кушак своего господина? Они тоже нутром ощущают его «могущество» или только глазами? – рассмеялся своей же шутке Чафа. Но смех этот прозвучал напряженно, натянуто, совершенно не от души. В помывочной повисло напряженное молчание. Только капли воды, казавшиеся в этот момент неприлично громкими, нарушали опасную тишину.

Эти парни в свои четырнадцать – шестнадцать лет не походили на обычных подростков ни видом своим, ни поведением. Во взгляде каждого тенью отображалась смерть, готовая по приказу обрушиться на кого угодно, без мига сомнений. Прокачанные мышцы бугрились по их покрытым шрамами телам, говоря о том, что с этими ребятами связываться – себе дороже. Слабаков на третьем курсе уже не осталось. Выбыли, посмертно. Те, кто выжил, – выгрыз право на жизнь зубами, пройдя через все круги ада. И не было тут глупцов. Каждый знал друга друга более чем хорошо. Сестры – самая болезненная тема для Ворна. Он многое мог стерпеть, сделать вид, что не заметил, не услышал, но прямое оскорбление сестер будило в нем того самого демона, которого боялись даже глоты. Чафа прекрасно знал это. Он очень не хотел навлекать на себя такую ярость. Простой драки и обычного наказания было бы вполне достаточно для выполнения задания, но уже неделю он провоцировал этого гада, и все без толку. Близился великий всеобщий праздник, в честь которого даже самые последние рабы освобождаются от работ, за исключением тех, кто несет серьезное наказание, ну и дежурные, само собой, также оставались на своих постах и следили за порядком. Ему был дан приказ: сделать так, чтобы Ворн остался в стенах школы в то время, как большинство

учеников и учителей покинут ее. Зачем и для чего – он даже и спрашивать не желал, и так понятно. Ворн – кость в горле не только однокурсников, преподавателей, но и кое-кому из высшей знати он тоже не давал покоя своим существованием. Особенно после того, как покалечил несколько породистых щенков на годовом экзамене. Этот юноша еще не успел доучиться, а уже умудрился обзавестись такими влиятельными врагами, от которых лучше самому в петлю, сразу, ибо быстрее и не столь мучительно. Хотя и мощными покровителями, видимо, он тоже был не обделен, ведь иначе давным-давно бы кормил червей в земле. И Чафа был совершенно прав в своих догадках. Не только богатый вельможа интересовался судьбой мальчика и просил директора Тарга приглядеть лично за пацаном, но и сами кардиналы не единожды спрашивали о парне. Наводили справки, сторонне наблюдали. Несколько раз даже приказали именно ему сопроводить пострадавшего ученика на лечение в Запретный город. Встретили приветливо, поили чаем, вели интересные беседы, задавая странные вопросы. Вот и теперь через двор шагал высокий человек в балахоне. Он спешил к директору Таргу по делу касающемуся непосредственно определенного щенка, тем самым нарушая планы Крама, который уже позаботился о своей внеочередной ступени по карьерной лестнице, да и личном удовлетворении тоже, приказав убрать этого... Ворна.

В кабинет Тарга тревожно постучали.

– Позвольте? – Тарг обратился к своему гостю. – Дело, видимо, действительно важное, иначе нас не стали бы беспокоить.

– Войди! – скомандовал твердый как сталь голос из-под капюшона.

Дверь отворилась, и в проеме показался взъерошенного вида ученик. Взглянув мельком на Тарга, он тут же опустился на колени, прижавшись лбом к полу.

– Говори, – приказал кардинал.

– Драка, ваше святейшество.

– Ты из-за этого нас побеспокоил?

– Никак нет, ваше святейшество. Смертельно ранен ученик, ваше святейшество. Нужна срочная помощь высшего лекаря.

– Я не лекарь, но идем, посмотрю. – Кардинал поднялся с кресла, в котором обычно сидел Тарг. – Где?

– В медблоке, ваше святейшество.

Кардинал прекрасно знал расположение зданий и не мешкая направился в медблок. За ним поспешил и Тарг, по пути грубо ухватив за шкурку ученика, который все так же стоял на коленях, не смея поднять головы.

– Ты что творишь, щенок?! – в ярости зашипел ему в ухо

Тарг, чуть приотстав от кардинала. – Будешь выпорот! На крест, сученыш! – Тарг жесткой поступью вбивал в землю пыль при каждом шаге, и казалось, что от той ярости, что исходила от него, пламенем пылали оставленные следы. Глава школы волочил рядом бледного как мел Гайта. Ноги того путались, едва поспевая за поступью, несмотря на возраст, все еще могучего воина.

– Чафа нарочно спровоцировал Ворна на драку. В бане. Наш медик сказал, что Чафе не жить. Жила жизни перебита. А я его святейшество видел, когда он к вам шел, вот и подумал... дерзнул... простите... Но нельзя, чтобы Чафа погиб. Только не от руки Ворна. Вы же сами... – Сильная рука директора потрянула парня, заставив того захлебнуться в словах. – Простите меня, сэр. Я ради Ворна, сэр, – сипя и кашляя от передавленного воротником горла, прохрипел парень, стараясь преданным взглядом заглянуть в глаза Тарга.

Все, кто попадался по пути, едва завидев кардинала, тут же опускались на колени. Ученики, столпившиеся у дверей медкорпуса, и сам лекарь, что стоял у стола, на котором простерлось тело раненого, поступили так же, соответствуя традиции и закону. Только один парень не упал ниц. Он лишь опустил голову в глубоком почтении, при этом продолжая удерживать свои руки в ране белого от кровопотери мальчишки.

– Как смеешь ты... – замахнулся на него Тарг, но был остановлен коротким движением руки кардинала.

– Что делаешь ты, отрок? – равнодушным тоном спросил кардинал.

– Простите меня, ваше святейшество, – проговорил парень, не поднимая головы. – Не дерзости ради, а спасения для остался я на ногах. Отпущу рану – и он погибнет. Я не желаю ему смерти, хоть и виновен в произошедшем.

Поняв, что происходит, Тарг неосознанно потер шрам на своей шее, вспомнив, как Борг так же зажимал его жилу жизни пальцами. Подобному они своих учеников не обучали, а этот малый откуда-то знал. Откуда?

– Зачем ты борешься за его жизнь? Он все равно уже покойник. – В голосе кардинала послышалось любопытство. – Или ты знаешь, как ему помочь?

– Знаю, – уверенно заявил подросток. – Но сам не сумею. Мне нужна помощь.

– Он сумеет тебе помочь? – Кардинал указал на лекаря. Мальчишка кивнул.

– Помоги ему. – Кардинал легонько пнул лекаря в бок носком сапога, нос которого был окован металлической пластиной. Тот вздрогнул и несмело поднялся на ноги. Во взгляде отчетливо читались страх и непонимание, чего от него хотят.

Ворн же четко знал и понимал, что нужно делать. Не в первый раз он видел такое, да и штопать людей подучился уже изрядно за эти годы. Закончив операцию и наложив повязку, парень обратился к кардиналу:

– Все, ваше святейшество. Если не будет воспаления, то

выживет. Мне бы руки помыть, да и вообще. – Он виновато пожал плечами, всем своим видом намекая на полную помывку, так как стоял сейчас перед всеми в том, в чем мать родила, практически полностью покрытый местами подсохшей кровью.

– И кто же тебя так врачевать обучил, Ворн? – не обращая на просьбу парня внимания, поинтересовался кардинал, чуть склонив набок голову.

Ворн почувствовал на себе изучающий, цепкий взгляд. Стало неприятно, по спине пробежали мурашки, отдав холодком в затылок.

– Леший. Он меня учил многому, и лекарничать в том числе.

– Хорошо, – задумчиво произнес кардинал. – Поговорим плотнее, но не тут. – На том он и вышел из лекарни.

– В-в п-порядок себя приведи, – прошипел Тарг, выходя вслед за важным гостем. – И в-вихрем ко мне в кабинет.

Ворн заметил, что директор слегка заикался, что происходило крайне редко и обычно выдавало в нем большое волнение. Скрипнув от напряжения зубами, Тарг удалился. Ворн же сломя голову помчался мыться и одеваться. Сердце стучало в груди, так и норовя выскочить. Дурные предчувствия рвали душу в лохмотья, словно пес старую фуфайку. Во рту пересохло, несмотря на то что он только что вылил на себя целую бадью холодной воды. Проклятый Чафа. Все планы коту под хвост! А тут еще и кардинал этот...

От досады он даже застонал в голос. Хотелось выть, но все эмоции пришлось грубо запихать поглубже, потому что он уже стоял под директорской дверью, занеся руку для стука.

* * *

– И разверзлись небесные хляби, и обрушился поток водный на земли грешные, и взмолились люди на девятый день о милости богов, но боги были глухи...

– Ты чего такое бормочешь, дядь Саш?

– Трактат из древнего писания.

– М-м... Предсказания, что ль?

– Нет. Скорее, былины прошлого. Так боги наказали людей за дерзость их. Затопили земли, не пожалев ни праведного, ни невинного младенца. Всех под одну гребенку.

– Ну и к чему ты это сейчас?

– Да к тому, малой, что все мы в ответе за деяния ближнего нашего, и, видя непотребства, нельзя пройти мимо, сделав вид, что тебя это не касается. Касается. Еще как касается. За грехи одних все мы понесем кару. И ты, кто прошел мимо, виновен не меньше того, кто сотворил зло.

– Но... я не прошел мимо.

– Да, не прошел. И потому я сейчас тут, валяюсь в телеге и беседую с тобой, а не кормлю мух на обочине дороги. И дети мои не останутся сиротами, а жена вдовой.

– А их дети? Ведь их отцы сегодня не вернуться домой.

– А их дети отвечают за грехи родителей своих. И тем бандитам думать об этом надо было прежде, чем разбоем промышлять, – назидательно сотрясал мужик указательным пальцем воздух. – Сколько жизней они сгубили? Хлебушек тот, что детки их кушают, кровью орошен, и за прибыль такую дорого платить придется. Не бывает ничего просто так, задаром. Дармовщинка – она сладкая, да ядовитая. Всему есть своя цена. Готов ли ты заплатить эту цену или шаг сделал не подумав? Расплата-то, она все равно придет, не к тебе, так к детям твоим.

Хлестнув легонько поводьями ворла, парень задумчиво посмотрел вдаль. Пыльная дорога вилась толстой змеей, уходя и скрываясь за поворотом, казалось, бесконечного зеленого поля, вдоль которого они катились уже, считай, полдня.

– Умный ты, дядь Саш, вот только толку с того? Что твой ум тебе дал? Ты живешь небогато, вкальываешь с утра до ночи, рискуешь жизнью, растишь детей аж двенадцать душ, и все они корке хлебной рады будут, не то что окороку свежемуму или сладости какой.

– И отдадут эту корку другому, если посчитают, что тому она более необходима на данный момент, чем им. Да, я не смог многого, но я посеял отличное семя и вложу в них добро, и, возможно, когда-то в далеком будущем мой труд даст свои плоды и сделает этот мир лучше, чище, светлее.

– И ты думаешь дожить до этого дня? – Скептически подняв бровь, паренек скосил взгляд на лежащего рядом мужи-

ка.

– Не думаю. Но было бы хорошо. – Тот огладил коротко стриженную бороду и, подумав немного, добавил: – Но мне это неважно. Важнее то, что я знаю, что поступаю верно, делая то, что делаю. А ты? Ты уверен в правильности своих поступков? Ты готов отдать цену за свой выбор?

Парень ничего не ответил. Он лишь тяжело вздохнул и крепко задумался. Так они дальше и ехали – молча. Дядя Саша лежал на соломе, прижимая окровавленную повязку на груди, и морщился от боли при каждой встряске, а парень сидел на козлах, иногда понукая и без того усталого вида понурого ворла.

Интересный разговор затеял этот человек... «Вроде и ничего такого», – размышлял паренек. Но тут действительно было над чем подумать. Кто он в этой жизни? Для чего его родили на свет? Чтобы дать миру еще одного раба, который потом даст еще несколько рабов, несчастных, голодных, обремененных на власть и на тех, кто живет немного слаще? Или он годен на нечто большее, великое? Изменить мир? Сделать его немного лучше? И какова будет плата за этот его выбор? Смерть? Да, вполне возможно, его убьют в очередной схватке. Но прежняя жизнь, к чему она приведет? Жизнь родителей, что вынуждены продавать своих детей, дабы прокормиться – она ль не хуже смерти?

Парень зло плюнул в сторону, крепче сжав поводья. Пару дней назад он самолично купил у своего отца своих же

младших брата и сестру и отдал их хозяйке в рабство взамен на свою свободу. Об этом дне, дне своей свободы, он мечтал с того самого часа, как их таверну посетила странная компания, в числе которой был и мальчишка, едва ли старше его самого. Но взрослые, бывалые воины, несмотря на возраст мальчика, относились к нему с уважением, как к равному. Мальчик-воин. Зависть тогда обуяла его, но зависть не злая, а чистая, добрая. Он тоже хотел, чтобы и с ним так же считались, а не мокрой тряпкой по морде и коршня под зад, как это любила делать управляющая таверной – его хозяйка тетка Галина. В принципе, на нее зла он не держал. Она купила его у родителей тощим оборванцем, одела, обула, откормила. В таверне мелкий поваренок впервые в жизни попробовал настоящего, хрустящего белого хлеба. А расстегаи тетки Галины чего стоили! За эти расстегаи можно было еще хоть десять раз продаться в такое рабство! От воспоминаний в желудке парня звучно заурчало. Ворл лениво повернул морду, скосив глаз на «кучера», и, подняв короткий хвост-обрубок, громко испортил воздух. Мухи, которые вились всю дорогу над животным, исчезли. Парень забористо выругался, размахивая руками, а мужик, лишь посмеиваясь, натянул ворот рубахи на лицо и попытался повернуться набок. Отдышавшись и утерев слезившиеся от вони – а может, и не от вони вовсе – глаза, бывший поваренок вновь погрузился в размышления.

Не, тетка она неплохая, добрая даже иногда. Не жадная,

кормила вдосыть. Вот потому-то и пришла ему мысль выкупиться не только деньгами, которые он старательно собирал целых три года, но и людьми. Она теряла помощника, и ей по-любому нужны руки, чтобы помогать по хозяйству, и ноги, чтобы бегать по всяким разным поручениям. Она купит нового раба, обязательно, или даже двух. Вот он и подумал, что знает, кто будет очень рад оказаться на его месте и жить в его каморке, хоть и маленькой, но теплой и сухой, и спать на настоящей кровати, с подушкой и одеялом, и не ходить зимой босиком по снегу...

Паренек передернул плечами, вспомнив, как мерзли его ноги.

Насобирав достаточную сумму, он пришел в отчий дом и купил у отца десятилетних Тину и Павлика. Теперь они будут сыты. И в тепле.

Старая телега, поскрипывая, катилась к столице великой империи, к городу Николоту, чьи стены отчетливо прорисовывались в мутной ряби горизонта. Там он отыщет того мальчика-воина. Обязательно отыщет... Тошка мечтательно вздохнул. Да, теперь он точно знал, что готов отдать жизнь за свою цель, но к прежнему существованию он ни за что не вернется.

Глава 5

Глубоко вдохнув, как перед прыжком в прорубь, Ворн постучал в двери директора Тарга.

– Ну здравствуй, Калин. – Мужчина в балахоне стоял у окна, рассматривая плац. Директора Тарга в кабинете не было. – Ну, входи же, входи, – повернулся он к входу лицом. Глубокий капюшон все так же скрывал это лицо, и вот только сейчас Ворн понял, что он уже слышал этот голос. Не сейчас, а очень давно.

– А ты, погляжу, нехило подрос за эти три года. Уже и не мальчишка вовсе, целый муж. – В голосе слышалась улыбка. – В плечах раздался, да и ростом почти с меня стал. Молодца.

– И я рад тебя видеть, Кирилл. – Настороженность на лице сменилась улыбкой.

– Неужели по рясе признал? – усмехнулся кардинал. – Лица-то не видал ты.

– Не видал. Да и не надо оно мне. И так помню, каждого. Три года тому назад кардиналы спасли мне жизнь. Такое сложно позабыть.

– Ну молодца. А я-то думал, гадать станешь, мучиться. Да садись, садись, никто не видит и разговора нашего не слышит. Конфиденциальность, так сказать.

Ворн кивнул и присел на ближайший табурет.

– Ну-с, рассказывай, как ты докатился до жизни такой? – Кирилл медленным шагом, лениво заложив руки за спину, прохаживался по комнате. – Каким ветром тебя сюда занесло? Хотя с твоей феноменальной тягой находить проблемы на пятую точку... – усмехнувшись, похлопал он парня по плечу. – Талант!

– Он про сестер моих...

– Да знаю, знаю уже все. И то, что он неделю тебя донимал, и то, что ты в город рвешься прям очень сильно в этот раз, и про то, что заказали тебя, тоже уже в курсе.

Глаза парня округлились от удивления.

– А ты думал... – вновь насмешка в голосе. – В общем так, Ворн, – шлепнул он о столешницу папкой с личным делом, которую безошибочно вынул из шкафа со множеством точно таких же папок, и, присев в кресло директора Тарга, раскрыл ее. – Веселый ты малый, я погляжу, – перебирал он лист за листом. – Побег, драка, драка, побег, опять драка, еще драка с тяжкими телесными... А вот это интересно, – приподнял он один из листов. – Нашел ты, значит, своих сестер, друзей потерял... хм... а это что у нас? – замер он, читая. – А из чьего племени те меченые были, узнал? – поднял он голову от бумаг. – Лекса?

– Нет, не его вроде. Но я не уверен. Ваше святейшество...

– Ой, давай без пафоса. Тошнит, знаешь ли, от всего этого.

– Мне в город надо завтра, очень. Кровь из носу надо. Но

из-за сегодняшнего... – Ворн виновато опустил голову. Знал же, чувствовал же, что провоцируют, и не сдержался. – Помоги, Кирилл, прошу тебя.

– Расскажи свою проблему. – Кардинал вернул лист на место, и чернота капюшона внимательно «установилась» на парня.

– Друга я нашел, Гриню. Он ждать будет. – И, уловив ниточку надежды, встрепенулся: – Меня не надо отмазывать. Я виноват по полной и наказание готов понести. Ты письмо ему передай, весточку. Пожалуйста. А потом уже я свяжусь с ним, когда-нибудь. Наверное. – Ворн вздохнул, ссутулив спину, понимая, насколько он сейчас себя нагло ведет.

– Ну что за пессимизм у тебя на лице? Куда же делся тот жизнерадостный, любознательный мальчишка? Ладно, не порть мне настроение своим кислым видом – помогу. Но и дело у меня к тебе есть, серьезное. Думал я сегодня просто бумаги на тебя изучить да с Таргом поговорить, но судьба иначе все повернула. Ну да и ладно, что ни делается – к лучшему. Значит, так, сейчас ты пишешь мне свою записку и объясняешь, где Гриню этого найти да выглядит он как. А сам чешешь в свой корпус... – задумался. – Нет, не надо в корпус. Что ж мне с тобой делать-то? – легонько барабанил он пальцами о стол. – Так, ладно, со мной пойдешь. Не знаю, как Тарг будет выкручиваться, но уж не дурак, придумает как. А тебя тут оставлять нельзя. Ты мне живой еще нужен. – И задумчиво повторил еще раз: – Живой и здоровый... Ну

что расселся? Подъем! И бегом мне Тарга сюда! На первом этаже он.

* * *

Спустя час Ворн, переодетый в простую рубаху и штаны, в сопровождении Кирилла шагал по улице Николота по направлению к дому, в котором была назначена встреча с Гриней.

– А клиночек-то сберег, молодца. Ценный артефакт. Тот же это всё? Верно?

Ворн кивнул.

– Родовой, да.

– Ну и хорошо. Отличное оружие. Нам только в помощь будет. Ты мне сейчас еще раз объясни: зачем Вильяму понадобился Лаки? И ты точно уверен, что твои друзья у него?

– Да, точно. Я все узнал, он ребят у себя в подвале держит. Там целая тюрьма у него обустроена, с пыточной даже. А Гриню он тягал, как пса на цепи, и на бои выставлял. А вот потом что произошло за тот месяц – я не знаю, но неделю назад повстречались мы с ним в таверне. Поговорить тогда не удалось. Ну, в общем, я тебе рассказывал уже. А вот и хата эта, – указал он взглядом на порядком пошарпанный, но вполне еще жилого вида одноэтажный серый дом.

– Не, малой, ты сам иди. А то мне задницы задратые вместо лиц видеть осточертело уже. Я лучше тут тебя подожду,

неподалеку. – И, не дожидаясь ответа, шагнул в сторону подворотни да словно растворился в ночном полумраке.

«Профи», – подумал Ворн с легкой завистью и, быстро взбежав по деревянным ступеням, трижды стукнул в дверь.

* * *

Дверь открыл рыжий мальчонка лет восьми.

– Ворн пришел! Ура! – радостно завопил он, оповещая тем самым всех тех, кто был в доме. – Здорова! – протянул он давно не мытую пятерню с обгрызенными под корень грязными ногтями. – А ты зна-аешь, кого мы сегодня на базаре встретили... – начал он радостно заговорщицким тоном и тут же ойкнул, получив звучную затрещину.

– Ну-у-у... – обиженно проблеял он, потирая голову.

– Кыш отседава! – шикнул на него Серый, приправив вдогонку и пинком под зад.

– Вот сопляк, язык чё помело, – с усмешкой поздоровался он с Ворном и, приглашая того следовать за ним, отправился в соседнюю большую комнату.

– Алтая покамест нема, Полкаша, как водится, с ним заведатый, – просвещал он товарища, по пути разрезая карманным ножичком огромное зеленое яблоко напополам и протягивая одну его часть Ворну. – Дружок тот твой, с таверны, еще не являлся, но туточки у нас другое чудо нарисовалось. Вот оно, полюбуйся. – И, откинув плотную ткань

с дверного прохода, замещающую дверь, указал на долговязого худого паренька.

Нескладный, лопухий долговязый мальчишка лет пятнадцати сидел у стола, нервно ерзая задом на табурете. Ворн заметил, как неуместно смотрелись босые ноги в коротких штанах, огромный синяк под левым глазом и широкий кожаный пояс вольного наемника с набором довольно дорогих швырковых ножей. Комкая горловину своего походного мешка от явного волнения, паренек при виде Ворна вскочил с табурета, но замялся на месте, окончательно растерявшись.

– И вправду, что ни день, то сюрприз, – пробормотал Ворн, разглядывая пояс с ножами. – Поваренок, ты, что ли?

– Угу, – кивнул тот, заулыбавшись, и бросился навстречу другу, запутался в лямках вещмешка, заспотыкался, неуклюже взмахнув руками, и чуть было не завалился совсем, да крепкая рука Ворна вовремя поймала его и вернула в надлежащее положение.

– Калин! Я так рад! Так рад...

– Да ты чё, – хмыкнул довольный Серый, – и впрямь дружбабан нарисовался. А ну геть отседова, покамест уши целы! – шикнул он на торчащие из-за занавески головы маленьких подельников.

– Ты прикинь, Ворн, я же его чуть не прибил, – виновато улыбнулся Серый, а поваренок, глупо улыбаясь, потер синяк под глазом. – Если бы не Полкаша, кранты бы, как пить дать. Ну ты это, не в обиде же, разобрались уже? – Серый друже-

любно улыбнулся смущенному поваренку.

– Не, что ты, все в порядке, спасибо вообще, огромное! Друга сыскать помогли. Да, если бы не Полкаша...

– Как ты тут оказался, Тошка? – Ворн усадил поваренка обратно и сам уселся напротив. – Неужели сбежал из таверны?

– Не, что ты. Все честь по чести. Выкупился я. Денег собрал, да и вольную выпросил у тетки Галины. Я же все, как вы уехали, думал и думал о вас. Все найти тебя хотел и Хозяина и попроситься к нему в работники. Ну, бойцом он вряд ли меня возьмет. Какой там боец из меня, хотя ножичками швыряться, ты знаешь, я освоил науку. Метко получается. Хочешь, покажу? – И тут же потянулся к поясу, но Ворн оказался шустрее.

– Не тут. Потом. Успеется, – остановил он его. – А нашел меня как? Город-то огромный какой.

– Да я думал, до Николота, главное, доберусь, а там и искать стану, а оно вона как вышло все лихо. – Счастливый, он вновь посмотрел на Серого. – Повезло мне! Вот как вышло. Приехали мы к вечеру уже, да сразу-то я не пошел никуда. Не пустили. А поутру уже, только с дядь Сашей-то распрощался – хороший мужик такой! – его бандиты там, а я это его, ну спас, в общем, а его ранили. Ну, я его домой-то к жене на его телеге и привез. Они накормили меня от пуза, да с собой дали еще. Ой! Ща, там же пирожки вкусные! – И к рюкзаку потянулся. Ворн вновь остановил его.

– Потом. Ты дальше рассказывай.

Тут уже Серый не выдержал:

– Да чё тама рассказывать. Идем мы, значит, на дело, срисовали этого длинного. Рожа не местная, походняк тоже, сразу видать: птица залетная, ненашенская. Да мешок свой еле тащит. Значит, есть там чем поживиться. Ну, мы и думали – лошок очередной, деревенский, быстро обуем. А онто – не тут-то было! Шустрый, зараза! Реакция – что у зверя дикого. Косой его вроде отвлек, Гуня сумку хвать, а он как дернет – и повис малый, рукой в ремешке запутался. А там петелька хитрая...

– Ага, – закивал Пашка, довольно улыбаясь. – Это дядь Саша научил меня так, петельку-то приладить...

– Ну так вот, я на помощь и вырулил мелким-то. По морде ему с налета вмазал раз, и хлоп – а у моего горла и ножичек уже. Ну, думаю, ничего себе, лошок залетный! Встряли, однако. Тут и народ собираться начал...

– А я испугался так! – перебил Серого Тошка. – Чё делать, не знаю. Не резать же его, в самом деле! Ну и выпустил. Подумал: людей много, уже не кинется, испугается, убежит. Ножичек-то спрятал сразу, от греха подальше...

Серый красноречиво продемонстрировал свою шею с алым следом свежего неглубокого пореза.

– А тут парень ко мне подходит, культурный такой, приличный на вид, и говорит: мол, сейчас разъезд патрульный нагрянет, в допросную заберут, допрашивать полдня будут,

сумку отымут. Идем скорее отсюда, я провожу, мол, вижу, не местный ты. Ну я и пошел, – смеясь, рассказывал поваренок.

– Ага, Алтай его, как барана на веревочке, к нам в тихое место и привел, – уже во весь голос ржал Серый. – Ну, мы его приняли как полагается, с распростертыми объятьями, а он снова за ножички свои хватать! А тут и Полкаша спикировал, да прям на голову ему, да давай топтаться и мурчать. Ну, понятное дело, зверь умный у тебя, абы к кому не пойдет. А тут явно признал!

– Ну да, и я узнал, правда, не сразу. Вырос он сильно прям. Да и ты, Калинин, тоже вымахал будь здоров! Тебя я вообще не признал даже. Во какой стал: ручищи, – что две мои, лицом так и вовсе другой сделался – серьезный совсем. Строгий какой-то.

– Ой, чё там было дальше! – Теперь Сергей перебил Тошку. – Прикинь, мы все офигели такие. Алтай на него давит, значит: «Ты кто такой, откуда зверя знаешь?!» А он орет в ответ: «Ты кто такой, почему мрякул у тебя, где Калинин?!» А мы уже и забыли, что Калинин – это же ты у нас, ну, был когда-то. И тупим стоим. Алтай первый прочухал, о ком он талдычит. Ну, расспросили, уже без ору, спокойно. «Друг, – говорит, – Калина ишу...» Ну и пригласили мы его в гости. Так сказать, до выяснения, подтверждения личности, в общем. А этот твой Гриня, как проспался – свалил восвояси, даж спасибо не сказал. Так и не появлялся больше. Мы ему все сказали, как ты просил, но запомнил ли он – не ручаюсь.

Видок был у него нездоровый очень. Совсем прям нездоровый.

Глава 6

Кто сказал, что смерть – это плохо? Кто сказал, что смерть – это страшно? Страшно, когда твое тело выкручивается, как морской канат, в жилах кипит кровь расплавленным свинцом, обжигая невыносимой болью, голова пульсирует так, что блевать уже нечем, и кажется: вот-вот – и из тебя полезут внутренности наружу. Вот это плохо, а смерть в такие моменты жизни – хорошо. Очень хорошо. Она желанна, как глоток воды в бескрайней пустыне, как самая прелестная дева в лунную ночь, как первый вздох при рождении... Гриня не кричал. На крик не осталось сил. Лишь, хрипя, изгибался он и бился о землю, роняя розовую пену изо рта. Глаза его закатились, являя миру покрасневшие белки, цвет кожи изменился, став серым, как пепел, такими же стали и волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.